

✓
A
539

ТБИЛИССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА

На правах рукописи

В. Г. ЖВАНИА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СУДЫ В ГРУЗИИ

ვახტანგ გრიგოლისძე უვანია
ლიტერატურული გასაზრთლებანი საქართველოში
ავტორეფერატი

დისერტაციის ფილოლოგიურ მეცნიერებათა კანდიდატის
სამეცნიერო ხარისხის მოსაპოვებლად

(რუსულ ენაზე)

ქ. თბილისი 1963 წ.

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени кандидата фило-
логических наук

4
Тбилиси
1963.

ТБИЛИССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА

На правах рукописи

В. Г. ЖВАНИА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СУДЫ В ГРУЗИИ

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени кандидата фило-
логических наук

Тбилиси
1963.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОППОНЕНТЫ:

1. Доктор филологических наук, проф. Д. Г. Бенашвили.
2. Доктор филологических наук, проф. Ш. В. Дзидзигури.
3. Кандидат филологических наук, доц. Г. Р. Барамидзе.

Защита состоится в тбилиском государственном педагогическом институте им. А. С. Пушкина (Тбилиси, проспект Чавчавадзе, 32) 10/IV 1963 г.

Автореферат разослан 28/III 1963 г.

Настоящий труд ставит своей целью восстановить историю литературных судов в Грузии, сыгравших в свое время весьма положительную роль в развитии красноречия и художественного мышления в эстетическом воспитании общества.

На пути осуществления грандиозных задач, намеченных XXII съездом Коммунистической партии Советского Союза, литературные суды могут способствовать разрешению ряда проблем строительства коммунистического общества, делу идейного и художественного воспитания молодого поколения.

В диссертационном труде «Литературные суды в Грузии» делается попытка исследовать сложный путь их развития и выработанные в связи с этим художественные приемы и традиции, а также обобщить опыт и разработать методику проведения литературных судов в советской школе и в широкой сети культурно-просветительных учреждений.

Диссертационный труд состоит из трех глав и вступительной части, в которой изложены основные художественно-методологические принципы разрабатываемого вопроса. Каждая глава труда объединяет несколько исследуемых вопросов, относящихся к основной теме. Вопросы разработаны в виде очерков, связанных между собой единством темы. Существующая между ними связь и последовательность обусловлены предметом, целью и методами исследования. Диссертационный труд снабжен приложениями и соответствующим научным аппаратом.

Основные главы диссертационного труда:

1. История возникновения литературных судов;
2. Литературные суды в старое время;
3. Литературные суды после установления в Грузии Советской власти.

В первой главе — рассмотрены народные истоки литературного суда, история возникновения его академической формы и первые литературные суды в грузинском театре.

Во второй главе — литературные суды на сценах грузинского театра, в аудиториях Кутаисского народного университета и других культурно-просветительных учреждений в период с 1910 по 1921 годы.

В третьей главе дана история литературных судов после установления в Грузии Советской власти, исследован вопрос о

литературных судах на сцене Академического театра, в культурно-просветительных учреждениях и в советской школе. В этой же главе рассмотрен вопрос об отраслевом положении литературных судов и принципах их изучения, разработана методика организации и проведения литературных судов.

В виде приложения в труде приведен ряд речей, произнесенных на различных литературных судах.

* * *

Для построения коммунистического общества важное значение имеет воспитание человека высокого духовного склада и широкого умственного кругозора. В новой Программе партии, утвержденной съездом строителей коммунизма, сказано: «Переход к коммунизму предполагает воспитание и подготовку коммунистически сознательных и высокообразованных людей, способных как к физическому, так и умственному труду, к активной деятельности в различных областях общественной и государственной жизни, в области науки и культуры»¹. Эта величественная программа строительства коммунизма предусматривает дальнейшее развитие социалистической культуры, культуры высокой морали, которая должна удовлетворить возвышенным духовным потребностям нового человека, способствовать максимальному проявлению всех его творческих способностей.

Классики марксизма-ленинизма придавали в вопросе воспитания людей очень важное значение литературе и искусству. В. И. Ленин требовал от литературы и искусства самой тесной связи с жизнью, считал их главной задачей правдивое отражение действительности, интересов и чаяний трудового народа. В своем выступлении на III Всероссийском съезде комсомола² и в подготовленном им проекте резолюции съезда Пролеткульта³, направленном своим острием против ошибочных взглядов пролеткультовцев, В. И. Ленин говорил о том, что создание пролетарской культуры возможно лишь при условии глубокого освоения и критической переработки всего того, что создано всем многовековым развитием человеческой мысли и культуры.

Труд «Литературные суды в Грузии» касается одной из отраслей культуры, занявшей почетное место в истории литературы и искусства Грузии и сыгравшей значительную роль в эстетическом воспитании общества. После установления в Грузии Советской власти перед литературными судами открылась широкая арена деятельности, они приобрели новые функции и пре-

¹ Материалы XXII съезда КПСС, Госполитиздат, Москва, 1961 г., стр. 413.

² В. И. Ленин. Соч., т. 31, изд. IV, стр. 261—262.

³ Там же, стр. 292.

вратились в один из видов массовой агитации. В условиях новых общественных отношений литературные суды, сохранив все присущие им функции, стали, кроме того, одной из разновидностей литературной критики и сыграли большую роль в пропаганде, популяризации и развитии советской художественной литературы.

Театрализованные литературные суды-диспуты являются своеобразным синтезом различных отраслей искусства и литературы; они обладают крупными художественными достоинствами, отличаясь высоким эстетическим содержанием и большой силой эмоционального воздействия. Литературные суды органически сочетают в себе ораторское искусство, театральное искусство и художественную литературу, т. е. основные отрасли духовного творчества человека, которые создавались в течение многих веков, всегда служили и в дальнейшем будут служить удовлетворению возвышенных потребностей человека.

Литературный суд — это особый и оригинальный вид искусства. Он дает возможность познакомиться с художественным произведением не обычным способом — путем его прочтения, а с помощью живого слова и инсценировки. В литературном суде самым главным компонентом является красноречие, а элементы театрализации — инсценировка — обогащают его, делая глубоко эмоциональным.

Как всякий вид искусства, литературный суд обязан своим возникновением народному творчеству; он имеет свою историю, свои этапы развития и разнообразные формы, которые на протяжении длительного существования изменялись и совершенствовались.

Первичной формой литературного суда является инсценированный (театрализованный) суд-диспут, на котором обсуждались отдельные бытовые проблемы или какие-либо затрагивающие интересы общества вопросы. Темой инсценированных судов нередко служили фольклорные материалы и построенные на социальных мотивах сюжеты.

Со временем тематика инсценированных судов начала обогащаться за счет художественной литературы, что сообщило им новое, более высокое качество и породило академическую форму инсценированного суда, получившего название «Литературный суд».

* * *

Грузинский народный театр знаком со специфической формой инсценированного суда-диспута еще с V—VI веков. Совершенная в своей простоте форма инсценированного суда-диспута встречается в таких народных играх-празднествах, как им-

провизированный народный театр масок — «берикаоба» и военно-патриотическое народное зрелище — «кееноба».

Берикаоба связана с земледельческим культом оплодотворения и размножения. В основе творчества театра «бериков» лежали сценарии, сложившиеся в результате творчества многих поколений. Имея заранее разработанный план представления, берики путем ораторской и актерской импровизации обогащали представление словесным содержанием — своего рода свободным диспутом-состязанием в аргументировании выдвинутых положений.

Основное содержание берикаоба сводится к тому, что берики (в масках кабана, волка, медведя и др.) «грабят» село (во время торжества крестьяне оставляют свои дома и собираются на заранее предназначенной для этого поляне, именуемой «саберико». Двери домов, где заранее подготовлены для «грабителей» фрукты, сыр, хлеб, мясо и др. продукты, — открыты. Берики все это забирают и под звуки зурны и доли¹ торжественно направляются к поляне). «Возмущенное» село поднимается против бериков и, вооружившись кто чем попало, пускается за ними в погоню. Тех, которые отчаянно «сопротивляются», «забрасывают камнями», остальных же ловят и передают судьям, которые выбирают тут же на месте всем сходом. В этом изложении мы значительно упростили, и, естественно, обеднили содержание берикаоба, позволив себе это единственно потому, что грузинский импровизированный театр масок не является предметом нашего исследования. Берикаоба нас интересует лишь в части инсценированного суда. На суде бериков четко выделялись «обвинители» и «защитники», «свидетели» и «потерпевшие». Каждый из них высказывался, выставлял аргументы, требовал или просил, после чего суд выносил «приговор». «Наказание» бериков приносило смех и радость; обычно оно сводилось к таким мерам, как: «Бросить берика в реку и не дать ему выйти, пока как следует не продрогнет», «связать его, посадить в годори² и скатить с горы» и т. д. Таким образом, грузинский импровизированный театр масок содержит в себе элементы примитивной формы литературного суда, нашедшие себе место в народной игре — инсценированном суде над бериками, в котором широко проявлялись творческие и ораторские способности народа.

¹ Грузинские народные духовые инструменты.

² Большая плетеная корзина, используемая в Грузии для сбора винограда и фруктов.

С аналогичным явлением мы сталкиваемся в грузинском военно-патриотическом народном зрелище «кееноба». Кееноба изображала борьбу грузинского народа против византийских (VI в.), арабских (VII в.), монгольских (XIII—XIV вв.), иранских и турецких (XVI—XVII вв.) завоевателей.

Покоривший страну Кеен устраивает суд над «непокорившимися». Его «сенат» допрашивает и судит «виновных» по всем правилам судебного процесса. Выносятся постановления: «повесить», «сослать на каторгу», «высечь розгами» и т. д.

В XIX веке прогрессивные деятели грузинской культуры направляли острие кееноба против помещичьего произвола и царского самодержавия. Кееноба — своеобразный карнавал. Он устраивался весной и состоял из сцен: нашествия врага и его насилия над мирными жителями, восстания народа и победы над врагом. Заканчивалось зрелище казнью Кеена и победным торжеством.

* * *

Дошедшие до наших дней литературные суды берут свое начало от «конференций» французской адвокатуры, которые возникли в первой половине XIX столетия. Институт французской адвокатуры (институт стауеров) создавал научные кружки — «конференции» — специально для молодых юристов с целью их профессионального совершенствования.

«Конференции» в качестве одного из методов обучения практиковали рассмотрение отдельных юридических казусов на инсценированных судах. На этих «судах» каждый из участников не только приобретал определенный профессиональный навык, но и мог максимально проявить свои способности. Со временем темы инсценированных судов «конференций» начали расширяться; кроме юридических казусов, стали обсуждаться вопросы криминальных романов и других видов произведений и даже из области классической литературы. Проникновение в инсценированные суды художественной литературы создало более высокую, академическую форму, именуемую впоследствии «литературным судом». Литературный суд — это инсценированный суд, возведенный, однако, на высшую ступень за счет художественной литературы и большей театрализации. Такая форма инсценированного суда вследствие своего высокоэстетического содержания и особых художественных досто-

инств вскоре вышла за рамки «конференций» помощников стауеров, приобрела большую популярность среди разных слоев населения и прочно обосновалась на сцене Академического театра и других культурно-просветительных учреждений. Тематика литературных судов менялась в соответствии с эпохой. Если буржуазная аристократия в своих салонах устраивала «суды» над героями бульварных романов и развлекалась аморальными сюжетами, то в героические дни Парижской коммуны прямо на площадях и улицах устраивались инсценированные суды, где «судили» дезертиров, изменников, врагов народа и др. Русская адвокатура, зародившаяся в 1866 году, для профессионального совершенствования помощников присяжных поверенных организовала «конференции», аналогичные французским. Однако следует указать, что литературные суды в России были известны в более ранний период и, видимо, имели свой специфический путь развития. Литературные суды в России сыграли большую роль в изучении художественной литературы в реальных училищах, гимназиях и других учебных заведениях. Прогрессивно настроенные русские педагоги, последователи демократических идей Герцена, Белинского, Добролюбова, Чернышевского и др., не щадили сил в борьбе с рутинными методами обучения, укоренившимися в школах Российской империи. Изыскивая методы, которые в какой-то степени оживили бы в школе изучение художественной литературы, передовые педагоги использовали формы инсценированного и литературного суда; быстрое распространение в школах этого метода обучения свидетельствует о том, что он приносил хорошие плоды. Литературные суды в школах носили примитивный характер, ограничиваясь рамками обыкновенного диспута, в котором две противоположные стороны (обвинитель и защитник) стремились наиболее полно охарактеризовать все отрицательные и положительные стороны героя. Если в дореволюционной школе литературный суд, как метод обучения, использовался стихийно и эпизодически, то в советской школе суд инсценированный и суд литературный находят широкое и систематическое применение. Во многих учебниках и программах по методике обучения художественной литературе в школе литературные суды рекомендуются как один из методов обучения. Данное обстоятельство нашло отражение и в художественных и литературоведческих произведениях советского периода (например, в книгах В. Каверина «Два капитана», Н. Трифонова «Современная литература» и др.).

На тематику литературных судов большое влияние оказывают эпоха, политическая обстановка, мировоззрения и

стремления участников «процесса». Нередко трибуна литературного суда использовалась для пропаганды политических идей. Поэтому в разных условиях и в разных аудиториях герои одного и того же произведения могли быть поданы в диаметрально противоположных оценках. Во время революционного подъема 1905 года литературные суды приняли соответствующее эпохе революционное направление. В период реакции они утратили революционный пафос. Если до этого литературные суды сплачивали народ и призывали его к революционной борьбе, то в новых условиях они служили противоположным целям.

Значительные изменения претерпели литературные суды (в смысле их тематики и назначения) после Великой Октябрьской социалистической революции. Новая эпоха предоставила литературным судам более широкое поле деятельности, обогатила их новой тематикой, волнующими новым обществом вопросами. Литературные суды навсегда покидают буржуазные салоны, офицерские и купеческие собрания и занимают прочное место в рабочих и крестьянских аудиториях, в школе, в Советской Армии. В новых условиях основное назначение литературных судов заключается в служении великому делу революции, острой политической агитации; они сплачивают народ для борьбы за построение нового общества. В период гражданской войны и военного коммунизма преимущественное положение занял инсценированный суд, потому что исторический момент требовал массовой агитации, питающейся темами современными, возникающими повседневно, которые шли бы в ногу с жизнью и способны были заострить на себе внимание трудящихся. На инсценированных судах этого периода «судили» «Врангеля, который стремится вновь надеть оковы трудящимся», «II Интернационал, который обманывает рабочий класс Европы и притупляет его революционные стремления», «Пуанкарэ и Вильсона, которые помогают белогвардейцам в погромах и истреблении пролетариата и крестьянства окраин России», «Дезертиров, которые ослабляют боеспособность Красной Армии», «Спекулянтов, контрреволюционеров и др. Целью инсценированных судов того периода было разоблачение всех сил, противостоящих революции, и мобилизация трудящихся масс на борьбу против внутренних и внешних врагов. Одновременно инсценированный суд использовался как орудие массовой агитации, призванной разъяснить содержание Октябрьской социалистической революции, вопросы, касающиеся диктатуры пролетариата, роль партии, цели и задачи социалистического государства и др. В последующий период темы инсценированного суда

менялись, приближаясь все более к вопросам культурного и хозяйственного строительства страны, воспитания чувства коллективизма, борьбы против пережитков прошлого и т. д.

Развитие социалистического правосознания масс изменяет форму политической агитации. Инсценированный суд, сыгравший в этом вопросе значительную роль, к концу гражданской войны постепенно сокращает поле деятельности. В последующий период завоевывает широкую арену его академическая форма — литературный суд. Создание новой советской художественной литературы дает литературным судам новую тематику. Литературный суд в советской действительности превращается в одну из разновидностей литературной критики; он знакомит массы с новой художественной литературой, популяризирует ее и способствует ее развитию. Кроме того, литературный суд способствует воспитанию творческих кадров, развивает мышление, культуру красноречия и ораторского искусства.

Литературные суды в Грузии как в старое время, так и после установления Советской власти в основном пользовались темами и персонажами историческими и из области классической литературы (Элисо, Онисе, Гела, Элеонора—герои произведений А. Казбеги; Кристине, Гогиа Уишвили, Тариэл Мклавадзе, Давид Дрондзе, Мосе Мцерали — Э. Ниношвили; Вардо, Осман-ага — Д. Чонкадзе; Иеремиа Царба, Аснат — Г. Церетели; Соломон Морбеладзе, Саманишвили — Д. Клдиашвили, герои произведений И. Чавчавадзе, А. Церетели и др.) Литературные суды в Грузии пользовались и произведениями русской классической литературы (Достоевского, Пушкина, Гоголя, Островского, Чехова, Горького) и мировой литературной классикой (Шекспира, Шиллера, Стендаля и др.). Впоследствии литературные суды обогащаются новой тематикой — из советской художественной литературы. На «скамье подсудимых» появляются герои произведений Л. Киачели, К. Лордкипанидзе, Р. Гветадзе, Д. Шенгелая, С. Клдиашвили, М. Джавахишвили, Ш. Дадияни и др. Организаторы литературных судов, как правило, стремились максимально использовать театральные эффекты, что придавало зрелищу глубоко эмоциональную окраску. С этой целью пользовались театральными декорациями, гримом, костюмами и прочим реквизитом.

* * *

С академической формой инсценированного суда-диспута, известного под названием «литературного суда», Грузию познакомили представители молодого поколения интеллигенции, получившие высшее образование в России. Начало истории

литературных судов в Грузии датируется 16 марта 1910 года, когда писательница Е. Габашвили организовала в грузинском театре в Тбилиси суд над героями исторической драмы Д. Эристави «Родина» — Кетеваной Лионидзе и Леваном Химшиашвили. В суде приняли участие видные представители грузинской интеллигенции.

Грузинский журнал «Театр и жизнь» сообщал, что это был грандиозный вечер; суд присяжных был инсценирован со всеми характерными для него формальностями; здесь выявилась высокая культура ораторского искусства и красноречия. «На присутствующих, — отмечал журнал, — большое впечатление произвели речи обвинителя Ш. Месхишвили и защитника — И. Мачавариани, которым аплодировали долго и восхищенно»¹. В журнале были напечатаны тексты речей Ш. Месхишвили, И. Мачавариани и последнее слово Т. Гоголашвили.

«Родина» Д. Эристави отображает борьбу грузинского народа в XVII веке против иностранных поработителей, в частности, против злейшего врага Грузии иранского шаха Аббаса. Само произведение проникнуто высоким патриотическим пафосом. С большой исторической темой в нем сплетается тема любви жены главаря восстания Свимона Лионидзе — Кетеваны и Левана Химшиашвили. Любовь Кетеваны и Левана становится роковой не только для влюбленных, но и для всего грузинского народа. Кетевана, уличенная мужем в измене, обращается за помощью к шаху Аббасу; в волнении она рассказывает ему о заговоре и этим обрекает на гибель себя, свою любовь, мужа и дело освобождения страны от поработителей. В нашем труде дается анализ произнесенных на суде речей как в отношении их литературных достоинств, так и в отношении правильности оценки исторических фактов.

В периодической прессе того времени (журнал «Театр и жизнь», газеты «Дроеба», «Колхида», «Мнатоби», «Сахалхо газети», «Батумис газети» и др.) имеется обильная информация о проводившихся в то время в городах и селах литературных судах. Как форма культурно-просветительной работы литературный суд вызвал заинтересованность разных слоев населения как Тбилиси и других крупных городов Грузии, так и провинции. В последующий субботний вечер после первого «суда» над героями «Родины», 26 марта 1910 года, тех же Кетевану Лионидзе и Левана Химшиашвили «судили» в народном театре Надзаладеви, 8 апреля был организован литературный суд над героями исторической легенды Сумбаташвили-Южина

¹ Журнал «Театри да цховреба», № 12, 1910 г.

«Измена». Газеты информируют читателей, что почти в каждый субботний вечер или воскресный день, если не в Тбилиси, то в Кутаиси, Потти, Батуми, Зестафони или других местах, устраиваются общественные суды-диспуты над отдельными героями художественных произведений или историческими личностями (над царем Ираклием, Георгием Саакадзе, царицей Дареджан Цбиери и др.). С этого времени такая форма инсценированного суда-диспута заняла почетное место в культурной жизни грузинского народа.

* * *

Литературные суды, как культурно-просветительное мероприятие, с самого начала их организации заняли почетное место в жизни общества, приняли систематический характер и превратились в духовную, потребность. Литературные суды организовывались и проводились при участии таких выдающихся деятелей грузинской культуры, как Акакий Церетели, Кита Абашидзе, Иа Экаладзе, Иона Меунаргия, Валериан Гуния, Шалва Дадияни, известных юристов Иосифа Мачавариани, Шалва Месхишвили и многих других. Ряд обвинительных и защитительных речей, произнесенных на литературных судах, можно отнести к числу лучших образцов грузинского ораторского искусства, подтверждающих высокую степень развития этой древней отрасли грузинской культуры.

Систематические нашествия иноземных захватчиков и героическая борьба за независимость исторически выработали в характере грузинского народа чувство высокого патриотизма. Национально-освободительные стремления не могли затихнуть и после присоединения Грузии к России. Наоборот, они постоянно обострялись вследствие проводимой царским правительством колониальной политики. Одним из средств борьбы против этой политики и одним из лучших способов распространения национально-освободительных идей были литературные суды. Среди произведений на историческую тему особой популярностью пользовалась драма Сумбаташвили (Сумбатовая-Южина) «Измена», отображающая борьбу грузинского народа против иранских завоевателей в первой половине XVII века. Героев «Измены» судили 8 апреля 1910 года в Зубаловском театре. Как сообщал корреспондент журнала «Театри да цховреба» («Театр и жизнь») под псевдонимом «Цискари», это был третий по счету литературный суд. В журнале напечатаны отдельные выдержки из речей обвинителей (И. Мачавариани и В. Гамбашидзе) и защитников (К. Абашидзе и др.). В труде дан краткий обзор этого литературного суда и анализ произнесенных речей. «Измена» была написана в 1903 году; она стави-

лась на сценах Малого театра и других театров России. С содержанием пьесы хорошо была знакома и грузинская общественность. Поэтому организаторы литературного суда отказались от предварительной инсценировки (оглашения обвинительного акта, допроса обвиняемых и свидетелей). Суд был начат прямо с выступления обвинителей. Затем выступила защита, были заслушаны последние слова обвиняемых, и заседатели удалились на совещание. Сокращение инсценировки было обусловлено еще и тем, что в те годы полиция не разрешала оставаться в таких общественных местах, как клубы и театры, позже 11 часов ночи, а диспут и судебные формальности литературного суда занимали много времени. Присяжные заседатели вынесли Зейнаб обвинительный вердикт. Присутствующая публика встретила это решение неодобрительно, и вопрос был поставлен на голосование всего зала. Хотя голосовали не все (публика начала расходиться), 186 голосами против 133 было решено оправдать Зейнаб. Причины таких разногласий широко обсуждались в прессе. Героев произведений Сумбаташвили «судили» систематически; литературные суды на эту тему устраивались как в Тбилиси, так и в других городах. Интерес к этой теме не снизился даже ко времени первой империалистической войны, когда сократилась не только практика организации литературных судов, но и вообще произошел большой спад в проведении всех культурно-просветительных мероприятий. Газета «Чвени мегобари» в № 13 от 15 марта 1916 года сообщает о том, что за несколько дней до этого в городском театре (в Тбилиси) был назначен литературный суд над героями «Измены», а 15 марта должен быть проведен литературно-общественный суд над «Ираклием II».

В диссертационном труде, кроме хронологического изложения ряда литературных судов, организованных в Грузии после 16 марта 1910 года, дается анализ литературных судов, проведенных: 30 апреля 1911 года — над героями поэмы А. Церетели «Тамар Цбиери»; 26 мая того же года — над героями поэмы И. Чавчавадзе «Какое Качаги»; 19 августа в Чиатура — над героями «Измены»; 3 октября в Кутаиси и 23 октября в Потти — над героями повести Э. Ниношвили «Кристине»; 14 мая 1912 года в Батуми — над Георгием Саакадзе и др.

Как один из методов просветительной работы, литературные суды широко использовал Кутаисский народный университет. Этот университет был организован в ноябре 1909 года по инициативе и при непосредственном участии известного грузинского педагога и просветителя Александра Гарсеванишвили. Кутаисский народный университет сыграл большую

роль в просвещении, культурном и эстетическом воспитании не только населения Кутаиси и окрестных сел, но и всей Западной Грузии. Достаточно упомянуть о лекторском составе университета, и этому народно-просветительному учреждению не понадобится лучшей аттестации. Здесь лекции читали А. Церетели (вопросы истории Грузии), Д. Узнадзе (история стран Востока), К. Абашидзе (грузинская литература), С. Кавтарадзе (вопросы политической экономии), Т. Жордания (история Грузии), А. Джанелидзе (проблемы жизни), И. Габелая (вопросы кооперации), А. Гарсеванишвили (грузинская, русская и иностранная литературы)... «В Кутаисском университете,—указывает бывший лектор этого университета проф. Тр. Хундадзе,—устраивались литературные суды. Например, был устроен суд над героиней пьесы Б. Шиукашвили «Уродство»—Соней. Участвовал А. Церетели. Кроме него, участвовали К. Абашидзе, Иа Экаладзе, Крестине Шарашидзе».¹

В газете «Азри», № 68 за 1914 год, и в воспоминаниях Л. Торшелидзе есть материалы о литературных судах, проводившихся в народном университете, упомянут литературный суд над героиней произведения А. Казбеги «Модзгвари» — Маквалой. 21 февраля 1917 года народный университет организовал в здании городского театра литературный суд над героями исторической драмы Д. Эристави «Родина». Роль Кетеваны исполняла популярная артистка П. Чхеидзе. В диспуте принимали участие Ал. Гарсеванишвили, Гр. Гвелесиани, Ш. Дадияни, Иа Экаладзе и ряд других видных деятелей грузинской культуры.²

Литературные суды не во все времена проводились с одинаковой активностью. В период первой империалистической войны практика литературных судов значительно сократилась. Это определялось политическими и экономическими условиями того периода. Крайне подавленное моральное состояние народа, повальные эпидемии, разорение, голод, гибель на войне большого количества людей и постоянный страх перед завтрашним днем не оставляли места проявлениям духовной жизни. Народу было не до удовлетворения своих эстетических потребностей. В период господства в Грузии меньшевиков положение еще более ухудшилось. Те же бедствия и нужды, страх перед новыми жертвами, политическое банкротство и угодничество правящих кругов перед иностранными захватчиками бы-

¹ Тр. Хундадзе «Кутаисский народный университет». Труды Кутаисского педагогического института, 1956 г., т. XV, стр. 277.

² Газета «Чвени мегобари», № 283, 19 февраля 1917 года.

ли характерной чертой эпохи. В те годы литературные суды организовывались представителями националистически настроенных партий и группировок (меньшевики, национал-демократы, федералисты), которые использовали трибуну литературных судов для популяризации и пропаганды своих антинародных политических убеждений. Изучение литературных судов периода хозяйничанья в Грузии меньшевиков особого познавательного интереса не представляет и, за редким исключением, ценности для истории культуры грузинского народа не имеет.

Новый этап в развитии литературного суда, характеризующийся быстрым подъемом, начинается в Грузии после установления Советской власти.

* * *

Первые полноценные сведения об академической форме литературных судов в Грузии появляются в советской периодической прессе, начиная с 1923—1924 годов. В Грузии с этого периода инсценированный суд уступает место литературному суду. Последний получает широкое распространение и более десяти лет не сходит со сцены Академического театра, рабочих, молодежных и других клубов, школьных литературных кружков и изб-читален, других культурно-просветительных учреждений. Первая полноценная информация, касающаяся этого примечательного события в культурной жизни грузинского общества, напечатана в журнале «Театри до цховреба», № 7, за 1924 год. Она касалась литературного суда, организованного 19 февраля 1924 года женщинами-писательницами в клубе Совета профсоюзов. Судили героев повести Э. Ниношвили «Крестине». Темы произведений Э. Ниношвили на широких диспутах-судах пользовались и раньше. Героев «Крестине» судили не раз, но литературный суд, организованный писательницами-женщинами, в соответствии с новым социальным строем, прозвучал совершенно по-новому. Организаторы литературного суда постарались придать новое звучание не только содержанию диспута-суда, но и самой форме инсценировки. Вместо суда присяжных заседателей, инсценировке была придана форма народного суда. Заседатели именовались не «присяжными», а «народными заседателями», и в обсуждении принимали участие не только заранее подготовленные лица, но и вся аудитория, все желающие выступить (элементы товарищеского суда). Эти формальные элементы особо обращают на себя внимание, так как в первые же годы после установления Советской власти политика партии была направлена на включение широких масс трудящихся в борьбу против преступности и всех общественно опасных явлений. То новое, что отличает инсценировку

этого литературного суда, является лучшим примером того, что изменение формы государственного управления влияет на каждое звено политической, экономической, народнохозяйственной, культурной жизни советского народа и одновременно становится его потребностью, составной частью его духовной жизни. Но главное, конечно, не в форме, а в содержании. На литературном суде над героями «Кристине» впервые со всей остротой зазвучали социальные проблемы и, особенно, вопрос раскрепощения женщины. Аналогично толстовской Масловой, обманутая в любви Кристине вынуждена уйти из отцовского дома, она теряет не только честь, но и семью, сына, она утрачивает всякое человеческое достоинство. Без мужа и родных, без крова и средств к существованию, деревенская девушка опускается в городе на самое дно буржуазного общества. В эксплуататорском обществе Кристине, как и миллионы других девушек, постигает одна участь. Причины этого заложены в социальных основах буржуазного общества. В старое время тиски царской цензуры почти не давали возможности поднимать разговор по существу затронутых в произведении социальных проблем и, как правило, на литературных судах Кристине обвиняли, исходя лишь из строгих законов морали. Но теперь судили уже не Кристине, а тот социальный строй, который превратил женщину «в белую рабыню». Кристине выступала в качестве потерпевшей, по жалобе которой было возбуждено дело и которая требовала равенства в правах с другими членами общества и того, чтобы ее сын Гогиа был признан законным наследником Ясона Укмадзе. По приговору литературного суда буржуазное общество с его порядками было осуждено. Датико, Ясон и все те, кто творил несправедливость, были признаны виновными. Виновными были признаны и лица, которые не подняли голоса против социальных несправедливостей и, сами опустившись на дно буржуазного общества, в корыстных целях склоняли других к разврату и иным антиобщественным поступкам. Иск Кристине был удовлетворен полностью.

9 января 1925 года в здании Тбилисского театра оперы и балета был организован литературный суд над шекспировским Отелло. Роль Отелло исполнял известный актер Ал. Имедашвили, а в состав суда входили лучшие юристы Грузии — И. Джапаридзе, Ш. Дадияни и М. Гвамичава. Почти ни один журнал и ни одна газета не остались равнодушными к этому литературному суду. Пресса особенно восторгалась выступлением Имедашвили, который своим последним словом буквально потряс аудиторию. Он, без нарушения ритма и стихотворного размера мачабелевского перевода, прочел монолог Отелло,

изменив текст соответственно литературному суду. Судом Отелло был признан виновным в предумышленном убийстве Дедемоны, что же касается намерения убить Касио, то в этом он был оправдан.¹ Популярность этого литературного суда была настолько велика, что позже по специальной просьбе горийской интеллигенции литературный суд над Отелло с участием Имедашвили был организован и в гор. Гори.

В сентябре 1925 года на полках книжных магазинов появилась брошюра о литературном суде над Гогиа Уишвили, героем одноименной повести Э. Ниношвили, организованном летом того же года в Коджори. Автор брошюры Д. Лорткипанидзе (ныне профессор, член-корреспондент Академии педагогических наук РСФСР) в то время работал педагогом коджорской начальной школы. Основную часть брошюры занимает речь Д. Лорткипанидзе, который выступал на этом суде в качестве обвинителя. Литературный суд был организован администрацией курорта и детских учреждений в здании сельского клуба, который не мог вместить всех желающих присутствовать, и поэтому составу суда пришлось заседать во дворе — прямо под открытым небом. Дело слушалось в течение двух дней. Гогиа Уишвили был признан виновным, и ему вынесли строгое общественное порицание. В приговоре указывалось, что Гогиа Уишвили «личность эгоистичная и беспринципная, ставящая свое личное достоинство выше счастья своей семьи и общества». В приговоре также было указано, что «самоубийство в советском обществе недопустимо и заслуживает всяческого порицания».

В «Гогиа Уишвили» писатель Э. Ниношвили повествует о тяжелом положении крестьян после отмены крепостного права, о социальных несправедливостях существующего строя, доводивших сельских тружеников до полного отчаяния, а подчас и до самоубийства, как это и произошло с героем повести.

Брошюра Д. Лорткипанидзе, вернее его обвинительная речь, подверглась широкому обсуждению. Рассчитанная на психологическое воздействие, речь эта обильно оснащена цитатами из трудов выдающихся ученых — Дарвина, Спенсера и других. В ней проведена мысль о том, что оправдание действий Гогиа Уишвили опрокидывало бы известный закон о борьбе за существование и тем самым обрекало человечество на вымирание. В речи масса ошибочных положений, однако, в целом она достаточно интересна. Д. Лорткипанидзе тогда было 19—20 лет, и, естественно, его взгляды на жизнь не могли быть вполне

¹ Журнал «Театри да цховреба», № 5, за 1925 г., стр. 4—5.

зрелыми. В последующие годы брошюрой Д. Лорткипанидзе часто пользовались организаторы литературных судов над Гогиа Уишвили.

Роман классика грузинской советской литературы М. Джавахишвили «Обвал» («Хизаны Джако») породил самые разные мнения. Часть грузинских читателей восприняла произведение тепло, считая описанные в нем явления типическими для грузинского общества, другие же считали роман оскорбительным пасквилем на историю страны и т. д. Дело дошло до того, что отношение к «Обвалу» породило игнорирование всего творчества М. Джавахишвили, и его окрестили писателем «убогих». Популярность героев «Обвала» Теймураза Хевистави, Марго и Джако обусловила широкое использование этой темы на литературных судах. Ряд литературных судов над героями «Обвала» был организован в 1926 — 1927 годах в Чиатура и Зестафони, Кутаиси и Батуми, и не раз в Тбилиси. На многих из них присутствовал сам М. Джавахишвили. Во время одного подобного «процесса», проводившегося в 1927 году в Красном зале горисполкома, Джавахишвили был вынужден сам включиться в защиту своего героя Хевистави. Причиной такой реакции со стороны автора произведения было то, что некоторые литературные суды над героями «Обвала» фактически превращались в суд над всем творчеством писателя. Все это доставило Михаилу Джавахишвили немало переживаний и заставило глубоко призадуматься над тем, насколько правильно его отношение к характерам и поведению своих героев. Его выступление на этом литературном суде явилось своеобразным творческим отчетом и способствовало правильному разрешению многих спорных вопросов. Аналогичные факты известны и в отношении других писателей. На литературных судах в защиту своих героев приходилось выступать писателям Константину Лорткипанидзе, Э. Зедгинидзе и др.

Литературные суды, как культурно-просветительное мероприятие, пользовались популярностью и в территориальных частях Советской Армии. Их в основном организовывали военные комиссары и другие политические работники частей, а также шефские организации. В труде даны некоторые сведения о литературных судах, проводившихся в воинских частях.

В истории литературного суда имели место и прецеденты. Комсомольская организация местечка Сагареджо в 30-х годах организовала суд над Кристине Э. Ниношвили. Обвинял Кристине режиссер местного театра А. Буртикашвили, а защищали С. Мтварадзе (драматург) и Л. Мамисашвили (доцент университета). Кристине судом была признана виновной, что расходилось с мнением аудитории. Такое решение не удовлетворило

защитников Кристине С. Мтварадзе и Л. Мамисашвили, и они сделали официальное заявление, что обжалуют решение в кассационном порядке. Само содержание литературного суда исключает элементы администрирования. Вмешательство и навязывание компетентного решения противоречит форме литературного суда, который предусматривает свободу высказываний и установление истины в полемике. Несмотря на это, С. Мтварадзе и Л. Мамисашвили не отступили. Они сумели организовать суд над Кристине уже в районном центре Сартчала, где ввели в состав суда лица из числа районных руководящих работников и, как тогда говорили, приговор «кассировали».

* * *

Литературный суд, как форма художественного воспитания и как метод изучения родной литературы, имеет свою историю. Советская школа, использующая для обучения и воспитания молодого поколения все лучшие достижения мировой педагогической науки, с первых же лет после установления Советской власти ввела в свою практику устройство литературных судов, которые широко рекомендовались и популяризировались педагогической литературой¹. Методику проведения литературных судов из грузинских авторов наиболее тщательно разработал проф. М. Зандукели в своем учебнике для высших педагогических училищ². Методические указания по этому вопросу можно найти и у других авторов, однако предпочтение, безусловно, следует отдать учебнику проф. Зандукели, так как в его основу положен многолетний опыт работы и широкое применение литературных судов в практике тбилисской 1-й опытно-показательной школы. В методике М. Зандукели изложены не только общие положения, но и дан целый ряд практических рекомендаций. В целом методика М. Зандукели возражений не вызывает. Использование ее уже принесло свои положительные плоды и в дальнейшем явится неплохим подспорьем в работе не только для преподавателей литературы и языка, но и для специалистов смежных областей науки (логика, история).

Газета «Ахалгазда комунисти», которая издается с декабря 1925 года, часто освещала на своих страницах вопросы, касающиеся литературных судов. Из газетных информационных видно, что литературные суды широко практиковались не толь-

¹ И. В. Ребельский. Инсценированные суды (как их организовать и проводить), Москва, «Труд и книга», 1926; Д. И. Джанетти. Обвинительное заключение к инсценировке судебного процесса по пьесе Б. Ромашева «Воздушный пирог», Астрахань, Союз Рабис, 1926, и др.

² М. Зандукели. Методика грузинской литературы, Сахелгами, 1934, стр. 107—115.

ко в средних и высших учебных заведениях Тбилиси, но и в городах Кутаиси, Батуми, Сухуми, Гори, Телави, Сигнахи, Чиатура, Зестафони, а также в селах. Литературные суды в сельских избах-читальнях и клубах, как правило, устраивались местными педагогами или учащимися школ и техникумов. Школьные литературные суды зачастую привлекали и слушателей со стороны. Известный грузинский писатель М. Мрвлишвили вспоминает, как он со своими сверстниками — учениками гуманитарного техникума — летом 1924 года организовал в селе Икалто литературный суд над героями произведения А. Казбеги «Элисо». Этот суд собрал все село. На второй день к Мрвлишвили, защищавшему Элисо, обратились крестьяне соседнего села с просьбой взять на себя защиту их сыновей, совершивших уголовное преступление. Об аналогичном случае рассказывает поэт А. Бурдиладзе (А. Онели), который в 1925 году принимал участие в литературном суде над Элеонорой, героиней одноименной повести А. Казбеги, состоявшемся в местечке Они. После «процесса» крестьяне обращались к участникам литературного суда за юридической консультацией и просили их о составлении различных деловых бумаг¹. В марте 1926 года в 1-м грузинском рабфаке был организован литературный суд над героем одноименной повести Э. Ниношвили — Гогиа Уишвили. Из отчета газеты «Ахалгазда коммунисти» видно, что литературный суд вызвал большой интерес и разбудил активность рабфаковцев. Клуб рабфака, вмещавший до 300 человек, был переполнен. Временами в зале слышались возгласы восхищения, а в перерывах многие говорили о том, что литературные суды должны проводиться чаще. «Слушание» закончилось к 2 часам ночи, но присутствующие еще долго не расходились. Прения и споры продолжались и на улице. Газета заключает свою корреспонденцию словами: «Литературный суд приносит большую пользу... Молодежь, на основании художественной литературы, привыкает к свободному мышлению и логическому рассуждению и, кроме этого, возникает желание овладеть юридическими науками»². Старейший педагог Ш. Табукашвили, долгие годы преподававший в названном рабфаке, вспоминает, что в последующие годы литературные суды, как средство художественного воспитания, широко использовались не только в этом, но и в других учебных заведениях Тбилиси. Литературные суды проводились на занятиях литературного кружка рабфака, на уроках грузинского языка и литературы, а

¹ Журн. «Скола да цховреба», № 5, за 1962 г., орган Министерства просвещения ГССР, стр. 30—35.

² Журн. «Скола да цховреба», № 5, за 1962 г., орган Министерства просвещения ГССР, стр. 30—35.

также общими силами всех курсов и групп. Тематика литературных судов была разнообразной (грузинская и русская классическая литература, история и даже юридические казусы, почерпнутые из газетной хроники). В воспоминаниях старых педагогов имеется богатый материал о традиции проведения в школах литературных судов и той пользе, которую они принесли. Для примера обратимся к опыту работы просветительных учреждений Телавского района, который позволит представить, что делалось в этом направлении и в других городах и районах Грузии. Сведения, которыми мы воспользовались, собрал старейший педагог Г. Мелитаури.

В телавских учебных учреждениях (грузинские и русские средние школы, гуманитарный и педагогический техникумы, культурно-просветительные курсы крестьянской молодежи) литературный суд, как метод обучения, был внедрен с 1924 года. Так, 11 мая 1924 года студенты мужского гуманитарного техникума организовали в бывшем помещении дворца царя Ираклия литературный суд над Георгием Саакадзе. В литературном суде, наряду со студентами техникума, принимали участие и педагоги (Дзадзамидзе, Корсавели, Банцадзе, Гиошвили). Полный отчет об этом литературном суде, а также информации о других литературных судах, проведенных в этом техникуме, имеются в журнале «Пирвели набиджи»¹. В гуманитарном техникуме и в других учебных заведениях материалом для литературных судов служили как исторические события, так и отдельные художественные произведения. «Судили» Нору, героиню одноименной драмы Ибсена, героев пьесы Киршона «На суде», романа П. Чхиквадзе «Этажи» и еще целый ряд героев русской и грузинской классической литературы².

Интересные сведения о проводившихся в Телавском районе литературных судах имеются в журнале «Сабчота масцавлебели», в № 2 этого журнала за 1934 год. В Телавском районе в результате широкой практики инсценированных судов сложилась даже своя методика их проведения. Вначале шел показ инсценировки или пьесы, над героями которых устраивался литературный суд. После этого суд оглашал заранее составленный обвинительный акт; затем велся допрос «обвиняемых» и «свидетелей», которые выступали в гриме и костюмах; происходило прение сторон и, наконец, заслушивание последнего слова подсудимых... Широкий диспут перед составом суда себя не оправдал, т. к. это требовало много времени и фактически пред-

¹ Рукописный журнал техникума, вышедший только один раз в 1924 году. Экземпляр хранится в Телавском краеведческом музее.

² Журнал «Ахали гза», орган Телавского Наробраза, № 7, за 1927 год.

ставляло собой литературный диспут, а не литературный суд. Эта длительная процедура настолько переутомляла слушателей, что от главного не оставалось никакого впечатления. Не оправдала себя и попытка организаторов литературных судов вовсе исключить из инсценировки действующих лиц произведения. Это сильно снижало художественные достоинства литературного суда.

В школах Телавского района для участия в литературных судах нередко приглашалась и внешкольная интеллигенция (артисты театра, писатели, юристы и пр.), это сообщало литературному суду общественный характер, поднимало его интеллектуальный уровень и делало тем самым, более впечатляющим.

Почти аналогичное положение наблюдалось и в практике работы других районов Грузии, о чем свидетельствуют многочисленные информации, помещенные в журналах и газетах 30-х годов («Ахалгазрда комунисти», «Спартак», «Комкавширис активисти», «Ситква да сакме», «Чвени таоба», «Ганатлебис мушаки» и др.). Газетные и журнальные материалы свидетельствуют и о том, что литературный суд в советской школе носил не случайный характер, а был принят как метод обучения.

Задача эстетического воспитания молодого поколения, развития в нем способности к логическому мышлению, привития ораторских навыков и художественного вкуса являлась кровным делом не только школы, но и всей советской общестственности. Она стояла в центре внимания органов просвещения, комсомольских и партийных организаций. Выполнению этой задачи способствовала не только педагогическая наука, но и самая богатая практика советской школы, умело сочетающая теоретические знания с практической жизнью, с реальной действительностью. Литературный суд, как метод обучения в советской школе, использовался для разрешения целого ряда крупных проблем, возникающих на разных этапах развития социалистического государства.

Практика проведения литературных судов прекратилась в 1935 — 1936 годах в результате действия антиобщественных сил, порожденных культом личности.

* * *

Достоинством литературных судов является широкий характер обсуждения художественного произведения, в процессе которого определяется общественное значение произведения, раскрывается его замысел, принципы и творческий метод писателя и, наконец, дается оценка характерам героев. Исходя из

анализа речи Д. Лорткипанидзе, произнесенной им на литературном суде над героем повести Э. Ниношвили — Гогиа Уишвили, и речи писателя Иа Экаладзе на литературном суде над героями поэмы А. Церетели «Дареджан Цбieri», мы убеждаемся в том, что литературный суд — это одна из форм литературной критики, исследующей стиль, жанр, общую идеологическую направленность художественного произведения, раскрывающей конкретное эстетическое содержание образов и корни общественных и психологических конфликтов. Все это, казалось бы, вопросы теории литературы. Но следует заметить, что исследование произведения в форме литературного суда по своей методике во многом отличается от общераспространенных диспутов или ученых трудов критиков и исследователей-литературоведов. Специфика литературных судов заключается в том, что высказывание критической мысли происходит в данном случае после инсценировки авторского текста, т. е. в момент определенного эстетического удовлетворения, когда аудитория расположена к обсуждению пережитого.

Специфична и сама инсценировка. Она исключает произвольную форму театрализации и, как обязательное условие, предусматривает ведение всего диспута в форме судебной процедуры. Такая форма диспута обостряет критическое отношение к литературному произведению и способствует максимальному выявлению противоречивых мнений, возникающих вокруг характеров героев, их общественного и личного поведения и субъективных особенностей. Инсценированный суд в форме диспута имеет и вспомогательную функцию — функцию расширения эстетического звучания, что ни в какой мере не повлияет на отраслевое положение литературного суда. Литературный суд по своему назначению не имеет никакого отношения к юриспруденции. Элементы судебной процедуры использованы в нем как форма инсценировки, как форма необходимой театрализации. Как указывалось во введении, литературный суд — это совершенно оригинальное синтетическое искусство, связывающие такие отрасли литературы и искусства, как литературное творчество, театр и красноречие. Художественное произведение является как бы канвой, основанием для литературного суда; оно обуславливает как содержание, так и форму театрального искусства и красноречия. Несмотря на то, что основой литературного суда является художественная литература, однако его впечатляющая сила во многом зависит от красноречия. Именно это и является, на наш взгляд, главной чертой, определяющей своеобразие и оригинальность литературного суда. Качество литературного суда, сила его эмоционального воздействия, а тем самым и результаты, во многом зависят от

ораторской части, которая фактически превращает литературу и театральное искусство в свои вспомогательные средства. Художественное произведение превращается в литературном суде в своеобразный сценарный материал, явившийся основой инсценировки. Оно дает материал и содержание для устных выступлений и через посредство ораторского искусства переходит в новое качество, наделенное большой силой воздействия на людские умы и сердца, нежели это в возможностях автора художественного произведения.

Ведущее положение красноречия в литературном суде определяет и то, что он рассматривается как отрасль художественной литературы. Характерные черты красноречия: достопримечательность содержания, художественность формы, убедительность доводов и мастерское исполнение — определяют его место в искусстве и литературе. Соответственно с этим определяется и отраслевое положение литературного суда. Анализ речей А. Церетели, Ш. Месхишвили, И. Мачавариани, Иа Экаладзе и других мастеров ораторского искусства, произнесенных ими на литературных судах, убеждают нас в том, что каждая из этих речей является лучшим образцом устной изящной литературы. В этих речах широко используются переносные значения слов (тропы): яркие метафоры, эффективные эпитеты, афоризмы, аллегории, гиперболы, иронические оттенки и прочие средства индивидуализации выражаемой мысли. В этих речах широко применяются риторические построения и фигуры, приемы аллитерации и другого артистического использования звучания слов. В труде каждое из этих положений соответствующим образом иллюстрировано и пояснено примерами из речей, произнесенных на литературных судах. Одновременно дается характеристика отраслей и жанров грузинского классического красноречия (проповеднического, подлитического, военного, судебного, торжественного и траурного) и, в соответствии с этим, определение отраслевого положения красноречия литературных судов.

* * *

Одного утверждения о том, что литературные суды являются нужным и интересным культурно-просветительным мероприятием, которое следует широко использовать в работе школ, клубов и других культурных учреждений, безусловно, недостаточно. Необходимо, чтобы общественность заинтересовалась литературным судом, а для этого его надо внедрять и популяризировать. Литературные суды нужно организовывать так,

чтобы они по-настоящему захватывали присутствующих, чтобы у каждого возникало желание высказать свое мнение, включиться в обсуждение поставленных вопросов. Хорошо организованный литературный суд всегда оправдывает свое назначение, выполняет свою культурно-просветительную функцию и воздействует на ум и психику людей.

Особое значение при организации литературного суда имеет выбор темы и правильная расстановка и подготовка участников. Тема литературного суда должна непременно соответствовать интеллектуальному уровню аудитории. Организаторы литературного суда в библиотеках, школах, домах культуры, клубах или других культурно-просветительных учреждениях первым делом должны установить, какое литературное произведение пользуется наибольшей любовью и популярностью среди читателей. Его-то и нужно брать для обсуждения на литературном суде.

Как уже отмечалось, в прежние годы на литературных судах широко обсуждались произведения грузинской классической литературы (Э. Ниношвили, А. Казбеги, И. Чавчавадзе, М. Джавахишвили и др.). Проблемы, которые поднимались в этих произведениях, так же, как и проблемы, интересные для 20-х — 30-х годов, уже не могут волновать сегодня советскую молодежь. У нас появилась новая, советская художественная литература, отвечающая вкусам и интересам молодых строителей коммунизма и поднимающая множество самых актуальных вопросов, которые ставит перед нами сама жизнь. На данном этапе развития общества для литературных судов должны быть использованы самые выдающиеся творения современной художественной литературы.

Каждый участник литературного суда должен хорошо подготовиться и серьезно обдумать свое выступление, особенно это касается представителей обвинения и защиты. В ходе суда надо всячески избегать чтения заранее составленных текстов; прения сторон должны быть построены по принципу свободного диспута, что несравненно более удовлетворяет эстетическим требованиям и исключает чувство досады, которое появляется всегда при виде оратора, заглядывающего в конспект. Это, конечно, не означает того, что участники литературных судов должны отказаться от каких-либо записей в процессе подготовительной работы. Наоборот, не только все вопросы, которые будут задаваться в ходе суда «обвиняемым» и «свидетелям», но и примерные ответы на них должны быть тщательно обдуманы с учетом любых возможных возникнуть неожиданных ситуаций. Это обеспечит возможность держаться определенного

ритма продуманной инсценировки, избежать пауз и смысловых срывов. Обвинители, защитники и обвиняемые (последнее слово) должны заранее выработать четкие тезисы своих выступлений. Весь процесс нужно предварительно прорепетировать, с тем, чтобы устранить из него отяжеляющие формальности и добиться максимальной четкости и конкретности инсценировки.

Литературный суд нельзя рассматривать как орган, выполняющий функции правосудия, поэтому для него неприемлем целый ряд элементов, необходимых в работе органов правосудия. Все построение литературного суда не должно выходить за рамки требований морального кодекса общества. В литературном суде недопустимы, например, такие нормы действующего уголовного и гражданско-правового законодательства, как требование сторонами определения мер наказания, предусмотренных уголовным кодексом; квалификация действий обвиняемых по статьям действующего законодательства и пр. На литературном суде действия обвиняемых должны расцениваться с точки зрения общественной морали, с той позиции, может ли общество оставить в своей среде обвиняемого, или он заслуживает изгнания. Если есть возможность применить к обвиняемому общественные меры воздействия, то следует конкретно указать, какие именно (общественное порицание, предупреждение, выговор, передача на воспитание и др.). В приговоре литературного суда должно быть конкретно сформулировано, какое общественно неприемлемое действие совершено обвиняемым, совершено ли оно с умыслом, или в результате ошибки, неосторожности, а также — какой меры общественного воздействия он заслуживает.

Наиболее целесообразной формой проведения литературного суда является форма, предусмотренная для товарищеских судов. А это значит, что в работе такого суда и в решении вопроса участие принимает не только состав суда, стороны, обвиняемые и свидетели, но и вся общественность, все присутствующие в данном, конкретном случае лица. Такой порядок ведения литературного суда порождает большую заинтересованность и активность аудитории, расширяет круг вопросов и делает диспут более содержательным.

На основе этих положений в труде разработана методика организации и проведения литературных судов. Для образца темой литературного суда избрана повесть грузинского советского писателя Д. Шенгелая «Клад». В соответствии с характером Саулии, главного героя этого произведения, подготовлены примерные тексты обвинительного акта и приговора, дан перечень участников литературного суда, предложены рекоменда-

ции о порядке их подготовки, а также разработан ряд вопросов, которые могут возникнуть в процессе организации и проведения литературных судов. В методике уделено внимание и вопросу регламентации как выступлений отдельных участников, так и всего литературного суда. Весь ход литературного суда не должен занимать аудиторию больше 3—4 часов времени, в которое обычно укладывается спектакль в Академическом театре. Это суммарное время определяет регламентацию отдельных деталей инсценировки: выступлений и формальностей всего процесса.

* * *

В качестве приложений к труду использованы тексты речей Ш. Месхишвили, И. Мачавариани и Т. Гоголашвили, произнесенных ими на литературном суде над героями исторической драмы Д. Эристави «Родина», а также речи А. Церетели в защиту Зейнаб, героини исторической драмы Сумбаташвили Южина «Измена»; Д. Георгадзе и А. Церетели — на литературном суде над Георгием Саакадзе; И. Экаладзе — в обвинении Дареджан Цбиери, героини одноименной поэмы А. Церетели; Д. Лорткипанидзе — в отношении Гогиа Уишвили из одноименной повести Э. Ниношвили; И. Гомартели — в защиту Маквалы, героини повести А. Казбеги «Модзгвари» и А. Имедашвили — на литературном суде над шекспировским Отелло. Тексты этих речей, публиковавшиеся в грузинских журналах и газетах за период с 1910 по 1924 год, использованы в труде как документальный материал по исследуемому вопросу.

* * *

ВЫВОДЫ:

Литературный суд — это академическая форма театрализованного суда-диспута над героями художественных произведений или историческими личностями. Первичной, примитивной формой литературного суда является инсценированный суд, на котором обсуждались юридические казусы, отдельные факты быта и жизни. Инсценированные суды, в основном, имели учебно-просветительное или агитационное назначение.

Обогащение тем инсценированных судов за счет художественной литературы и внесение в инсценировку всех достижений театрального искусства изменяет как содержание, так и назначение инсценированного суда. Высокая художественная форма и большое эстетическое содержание такого инсцениро-

ванного суда все более привлекает внимание широкой общественности, постепенно он выходит за рамки учебного и агитационного мероприятия и становится средством удовлетворения эстетических запросов широких масс и занимает почетное место на сценах академических театров или других культурно-просветительных учреждений. Такая высокохудожественная, академическая форма инсценированного суда называется судом литературным.

Литературный суд является разновидностью литературной критики, но всецело отнести его к этой отрасли нельзя, ибо он одновременно содержит элементы театрального, ораторского и других отраслей искусства. Литературный суд является синтезом разных отраслей искусства и литературы, но по своим основам и назначению его следует отнести к художественной литературе.

Грузинский народный театр еще с V—VI веков н. э. знает своеобразную, чисто национальную форму инсценированного суда. Такие народные игры-празднества, какими были импровизированный народный театр масок «берикаоба» и грузинский маскарад — военно-патриотическая народная игра «кееноба», содержат в себе примитивную, но совершенную форму инсценированного суда-диспута. Знакомство грузинского народа с этой простейшей формой инсценированного суда способствовало быстрому и широкому распространению в Грузии академической формы литературного суда.

Академическая форма литературного суда известна с первой половины XIX века. Первоначально она зарождается в научных кружках французской адвокатуры (институт стауеров), в т. н. «конференциях». Для профессионального совершенства молодых стауеров в «конференциях» практические занятия по красноречию строились в форме инсценированных судов, темой которых являлись юридические казусы и герои криминальных романов. Со временем тематика инсценированных судов расширилась за счет художественной литературы, что и способствовало превращению инсценированных судов в литературные суды.

В Грузию академическая форма литературного суда была занесена представителями грузинской интеллигенции, получившими высшее образование в Петербурге и других городах России. Первый академический литературный суд был организован в Грузии 16 марта 1910 года; на нем «судили» героев исторической драмы Д. Эристави «Родина» — Кетаван Лионидзе и Левана Химшиашвили.

Тематика литературного суда зависит от социально-политических основ общества. В разные эпохи одна и та же тема литературного суда получает различные назначения, а само разбирательство принимает разные направления. Если в период революции 1905 года литературный суд принял соответствующий эпохе революционное направление и призывал народ к революционной борьбе, то в период реакции он утратил революционный пафос и антинародные силы использовали его в своих интересах. Причины таких явлений с предельной ясностью раскрывает марксистско-ленинское учение о партийности литературы.

После установления в Грузии Советской власти литературный суд вышел на широкое поприще и его основным назначением стало — служить великому делу революции, сплачивать и направлять трудящихся на построение нового общества, нести в массы идеи коммунизма и воспитывать социалистическое правосознание. В социалистическом государстве литературный суд приобрел дополнительные функции: он стал разновидностью литературной критики, ибо знакомит массы с новой художественной литературой и прививает любовь к ней. Литературный суд способствовал победе советской реалистической литературы в борьбе против антисоветской, буржуазно-декадентской и националистической литературы.

Литературный суд в советской школе способствовал эстетическому воспитанию молодого поколения, развитию его мышления и красноречия, изучению художественной литературы.

В 1935 — 1936 годах, в результате действия антиобщественных сил, порожденных культом личности, практика проведения литературных судов прекратилась. Исторические решения XX и XXII съездов КПСС покончили с культом личности и его последствиями и создали все условия для широкого развития советской культуры. На пути грандиозных задач, намеченных Программой партии в деле достижения величественной цели — строительства коммунизма, — колоссальное значение придается эстетическому воспитанию молодого поколения. Литературный суд со всеми своими традициями, как одна из форм эстетического воспитания, должен быть восстановлен и вновь внедрен в советской школе и других культурно-просветительных учреждениях.

Основные положения диссертации опубликованы в следующих работах автора:

1. Статья «Литературные суды в советской школе», журн. «Скола да цховреба», 1962 г., № 5 (0,75 п. л.).
2. Статья «Литературные суды на советской сцене», журн. «Сабчота хеловнеба», 1962 г., № 9 (1 п. л.)
3. Статья «Луначарский в роли защитника», журн. «Литературная Грузия», 1962 г. № 6 (0,25, п. л.).
4. Очерк и публикация в книге «Юристы Грузии», 1961 г. (1,5 п. л.).
5. Брошюра «Литературные суды в работе клубных учреждений», 1963 г. (2 п. л.).

Находится в печати — «Методика литературного суда в школе», журн. «Скола да цховреба», 1963 г., № 4 (0,75 п. л.).

ვახტანგ გრიგოლის-ძე უვანია

ლიბერატორული განსჯარტლუბანი სპარტველოზი
ავტორეფერატი

დისერტაციის ფილოლოგიურ მეცნიერებათა კანდიდატის
სამეცნიერო ხარისხის მოსაპოვებლად

(რუსულ ენაზე)

მ. თბილისი 1963 წ.

4